

Анна Вл. Гончарова

ВОЛШЕБНОЕ ВЕРЕТЕНО

Анна Вл. Гончарова

Волшебное веретено

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68674481

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда кажется, что всё потеряно, есть шанс обрести даже больше. История о дружбе, о зависти, о красавице Маше и заколдованном пауке. Сказка для детей и взрослых о том, как простое веретено становится волшебным в умелых руках, и откуда берётся узор счастья.

Анна Вл. Гончарова

Волшебное веретено

Доводилось ли вам когда-нибудь держать в руках настоящий волшебный предмет? В моей семье из поколения в поколение передают рушник с чудесным древним узором. Мы его так и зовём – рушник счастья. Считается, что от бабушки внучке вместе с рушником передаётся счастливая доля и особая сила – и род оберегать, и мастерство с талантами развивать, и другим людям помощь оказывать. До поры до времени рушник прячут подальше от любопытных глаз, а когда приходит час, вручают новой хранительнице. Много историй у нас накопилось об этом семейном сокровище. Расскажу самую древнюю.

Давно это было – в ту пору, когда рано сгустившийся в избе сумрак разгоняли светом лучины, когда каждый год приходили суровые зимы, и снежные сугробы днём ярко искрились на солнце, а от лютых морозов по ночам потрескивали деревья в лесу, когда метели заносили все пути, превращая и землю, и небо в сплошную белую пелену, отрезая всякую возможность попасть в соседний город или деревню. В те далёкие времена люди верили в волшебство, а хотели того же, что и сейчас, и шли к своим желаниям разными путями – как и сейчас...

Заканчивались зимние праздники, а с ними и последние приготовления в семье Маши к приезду сватов. В большой комнате бревенчатой избы красный угол наискосок от печки, как и положено, освещался небольшой лампадой, мерцавшей перед старинной иконой, покрытой рушниками с плотной бордовой вышивкой. У печи хлопотала Аксинья, мать Маши, приглядывая за пирогами и другим угощением для гостей. Ещё с вечера Аксинья замесила тесто, а поутру один за другим отправила округлые праздничные хлеба в печь, ловко орудуя плоской деревянной лопатой. Аксинья раскраснелась от тепла и работы по дому, и Макар с улыбкой поглядывал на жену и одобрительно кивал, нахваливая её расторопность да умелость. Поставив лопату у печи широкой стороной вверх, Аксинья, в тканой юбке поверх белой сорочки, с намиткой на голове – в знак того, что она женщина замужняя, – тыльной стороной руки вытерла лоб и присела на лавку рядом с мужем, когда тот заканчивал до блеска полировать шерстяной тряпицей медный поднос с невысокими бортиками.

– Ох, и не лёгкое это занятие – сватов принимать. Вон ещё сколько всего сделать-то надо! Хлеб испечь, в доме прибрать, дорожки новые постелить...

Аксинья вздохнула и бросила взгляд на стоявший у стены большой деревянный сундук с кованым замком. Рядом с сундуком подпрыгивал двенадцатилетний Василька, обме-

тая веником стыки потолка и стен. В комнату заглянула Маша.

– Входи, входи, Машенька. Нам с тобой ещё приданое до приезда сватов пересмотреть надо – не упустили ли чего.

Густые тёмные волосы Маши были сплетены в тугую косу, девушка выглядела настоящей красавицей в льняной сорочке с вышивкой на рукавах и у ворота, тканой юбке в клетку, белом вышитом по низу фартуке с тканым поясом, концы которого с разноцветными кистями завязывались сбоку на талии. Красные бусы в одну нить средней длины дополняли образ, а в руке Маша держала деревянное веретено. Аксинья залюбовалась дочерью.

– Какая ж ты у нас ладная да пригожая!– негромко произнесла Аксинья.

Василька, не выпуская веник из рук, подскочил к Маше:

– Ага, ладная-складная, краснобусая-веретённая, всё-своё-ношу-с-собой. Ты и ночью веретено в руке держишь? Или под подушку прячешь? Вот приду и вытащу, пока спать будешь!

Маша быстро спрятала веретено в кармашек фартука, схватила лежавшую на лавке холстину и несильно стеганула брата, как тот ни уворачивался, прикрываясь рукой.

– Василька, отстань от сестры.

Макар слегка нахмурился.

– Тебе бы её трудолюбие да терпение.

Василька, состроив сестре рожицу, отбежал в сторону.

Аксинья поднялась и вместе с Машей подошла к сундуку. Откинув крышку, они начали доставать и разглядывать праздничную одежду, скатерти, рушники – приданое Маши.

– Василька-то хоть и мал, а ведь правильно говорит: хватит уже, доченька, витать в облаках да всё об узорах своих думать. Вон, грусть на лице, а ты радоваться должна, что просватали тебя, что будешь за мУжем, а не в девках век вековать. В семью тебя отдаём зажиточную, работающую, жених нравом смиренный, покладистый. Чего ещё хотеть?

Аксинья украдкой поглядела на дочь. Маша выпрямилась и посмотрела матери прямо в глаза.

– А я непрочь ещё в девках походить, не тороплюсь я замуж. Помолчала и мечтательно продолжила:

– Мне б узор древний, про который бабушка рассказывала, что он счастье приносит, восстановить да вновь его на рушники, скатерти и сорочки выпустить! Вот бы всем радость была! Уж так хочется и соткать его, и вышить! Чтобы в каждом доме был!

Огорчённо вздохнула и добавила:

– А жених мне не глянулся, да и видела-то я его всего один раз.

Макар сурово посмотрел на Машу.

– Стерпится – слюбится.

Василька, примостившись возле отца, хихикнул в кулак и принялся строить сестре рожицы.

Маша потупилась.

– Подчиняюсь я воле родительской. Долю, видно, не обминёшь. Сложив скатерть в сундук, Маша молвила:

– Рушников-то в приданом моём маловато. Пойду-ка я на пряду ещё ниток да сотку полотно – как раз к приезду сватов и управлюсь.

Вздохнула.

– Приданое должно быть богатое да красивое, чтобы не посрамить свою семью.

Маша прошла в свою комнатку, примостилась у окна на деревянной лавке и, тихонько напевая, начала прясть нить, ловко вытягивая её из кудели и вращая простое деревянное веретено, которое было при ней, сколько себя помнила. Вслед за нитью потянулись и думы, одна за другой: то бабушкин сказ про волшебный узор вспомнится, то придут мечты о том, чтобы стать лучшей мастерицей в округе, то чей-то далёкий образ, как сквозь дымку, проступит...

Василька вбежал в комнату с веником в руке, оторвав Машу от её грёз.

– Машу-у-у-ня, – голос брата звучал заискивающе, – велено передать, чтоб ты за водой к колодцу ходила.

Маша, не поднимая глаз на Васильку, продолжала прясть.

– Немедля, – нтонация Васильки стала строгой. – Слышала? А я тут у тебя пыль пока повымету.

Маша медленно и неохотно оборвала нитку, отложила в сторону кудель и веретено. Тем временем Василька заметил сидящего в углу над куделью большого рыжего паука и за-

махнулся на него веником.

– Уходи, паук-рыжук, нето посажу тебя снова в банку да запрячу подальше, и на этот раз не спасёт тебя моя сестрица!

Маша мгновенно вскочила, перехватила веник и выпроводила Васильку из комнаты. Поставив веник у двери, Маша обернулась к пауку:

– Ничего не бойся, не дам тебя в обиду. Живи тут спокойно. Привыкла я к тебе. Вон и к паутине твоей приглядываюсь, переплетения перенимаю. Да и ты все песни мои слышал, все мысли мои знаешь, все узоры мои пересмотрел.

Набросив на плечи цветастый платок и подхватив своё веретено с лавки, Маша лёгкими шагами направилась к двери.

Колодец находился в конце улицы, и приходили к нему не только за водой, но и за новостями, и не было другого места в деревне, откуда бы всё сказанное и услышанное разлеталось быстрее. Маша шла, одной рукой помахивая ведром в такт ходьбе, другой вращая веретено на нитке, будто придавая силы своим мыслям. Подхватив веретено рукой, Маша поставила ведро на низкую скамейку и открыла створку колодезного сруба.

– Вот ты где! – Раздался за спиной голос Ули, – не угнаться за тобой.

Маша, погружённая в свои мысли, от неожиданности вздрогнула и выронила веретено в колодец.

Приблизившись, подружка тараторила без умолку:

– В доме тебя не застала, а мне сто-о-о-лько надо всего

рассказать! Я только что услышала...

– Да погоди ты.

Маша перегнулась через край сруба, вглядываясь в тёмную глубину колодца. Повернувшись к Уле, грустно проговорила:

– Ну вот, не успеть мне теперь ни ниток напрядь, ни рушников выткать. Да и веретена жалко – оно меня чувствует, как живое, а я его. А про себя подумала: «А ведь такой складный узор пришёл в голову! Когда ж его теперь опробуешь!»

Уля принялась гладить Машу по плечу, успокаивая.

– Да ты и так хороша, и без рушников этих. И приданого у тебя поди немало уже припасено. Сколько помню, ты всё нитку прядёшь да вышиваешь. А женихи и без приданого за тобой бы увивались. Мне бы хоть кусочек твоего счастья...

Уля сложила вместе указательный и большой пальцы и протянула:

– Ну хоть вот стооолечко! Вон, на ярмарке все только на тебя глядели да заговорить старались, а меня обминали, как и нет вовсе.

– Будет тебе счастье! – вдруг уверенно произнесла Маша. – Твоё собственное. Я восстановлю древний волшебный узор. Только теперь чуть погодить придётся... Ты уж наберись терпения.

– Хорошо тебе про терпение советовать, когда у самой жених на пороге.

Уля недовольно отвернулась.

Набрав воды, Маша медленно двинулась в сторону дома.

У колодца стали собираться девушки. Уля, глядя Маше вслед, громко сказала:

– А Маша-то наша уж какая мастерица, а вот поди ж ты, приданое наткать и не успела. Зачем хорошему парню такая хозяйка в доме?

Маша опустилась на лавку у окна и стала грустно перебирать и поглаживать пальцами кудель. Вдруг прямо перед ней, слегка раскачиваясь на своей серебристой нити, с потолка начал спускаться паук. Маша отложила кудель в сторону, а паук ещё быстрее закачался у лица Маши, и та закрыла глаза.

– Знаю про твою беду, Машенька, – зазвучал голос паука. – Не печалься, я тебе помогу. На кудели найдёшь расписное узорчатое веретено. Не простое, а волшебное: с ним нить прядётся тонкая да крепкая, одежда, из неё сотканная, зимой греет, летом холодит, скатерть из такой нити всегда яствами будет уставлена, а рушник из этой нити все болезни снимет. Послушным будет веретено только тебе или тому, кого сама укажешь.

Машины ресницы задрожали, и она открыла глаза, потянулась, будто от долгого сна, бросила взгляд на кудель – а там расписное веретено лежит. Маша охнула и аккуратно взяла в руки веретено, ища глазами паука.

– Так это не привиделось мне!

Под потолком замер рыжий паук.

– Спасибо тебе, друг любезный!– поблагодарила Маша паука и принялась прясть. Расписное веретено само кружилось у неё в руке и быстро наматывало нить. Увлёкшись, Маша и не заметила, как в комнату заглянула Уля и застыла на пороге, увидев на коленях Маши новое расписное веретено и много спряденных ниток.

– Когда это ты успела и веретено новое найти, и спрясть столько ниток? – недовольно выпалила Уля.

Маша украдкой взглянула на паука, по-прежнему сидевшего в углу под потолком, и так молвила:

– Расскажу тебе, подружка, секрет. Моё расписное веретено не простое, а волшебное. Оно будто само нить наматывает.

Уля подошла поближе и стала внимательно рассматривать расписное веретено в Машиных руках. В это время раздался голос отца:

– Маша, помоги матери на стол накрыть, а то она до утра провозится.

Маша отложила в сторону свою работу и поспешила к родителям. Уля, не долго думая, схватила веретено, оборвала нитку и тихонько, крадучись, вышла из комнаты.

Вернувшись в свою избу, Уля уселась у растопленной печи и попыталась крутить расписное веретено, но оно раз за разом падало у неё из рук, кудель запутывалась, и нитка рвалась. Раздосадованная Уля резко поднялась и швырнула расписное веретено в огонь.

Немного успокоившись, Уля снова побежала к Маше и, опираясь о косяк двери, виновато произнесла:

– Да я только хотела тебе помочь, вот и взяла веретено, но нечаянно бросила его в печку вместе с поленьями.

Маша укоризненно посмотрела на Улю, сделала вдох, чтобы что-то сказать в ответ, но Уля развернулась и быстро ушла.

Оставшись одна в комнате, Маша подошла к углу, где, как и прежде, под потолком сидел большой рыжий паук.

– Видишь, как оно всё вышло. Не помогло мне твоё расписное веретено...

Паук задвигался и снова спустился вниз на паутине, раскачиваясь перед лицом Маши. Девушка медленно опустилась на лавку у окна и закрыла глаза.

– Не печалься Маша. Беда поправима. На кудели найдёшь волшебное серебряное веретено. Слушаться оно будет только тебя или того, кого ты сама назначишь. Веретено это в рукоделии помогает, узоры необычные подсказывает. А ещё правду открывает и может исполнить желание, но только одно.

Придя в себя, Маша повеселела и принялась быстро пряхть нитки, серебряное веретено само крутилось в её руках, а потом и полотно помогло выткать. Вскоре перед Машей стопкой лежали рушники с орнаментом. Девушка сделала последний стежок вышивки на белой мужской рубахе, спрятала конец нитки в шов, разгладила рукой рубаху и,

сложив её, устроила поверх рушников. Окинув довольным взглядом сработанное, Маша взяла в руки серебряное веретено и стала медленно его поворачивать, любуясь. В эту минуту в комнату вошла Уля. Вдруг серебряное веретено в руках Маши задрожало, и на стене показались живые картинки – Маша увидела, что на самом деле произошло с её расписным деревянным веретеном. Уля оторопело смотрела на саму себя, ожившую на стене. Маша удивлённо подняла брови, потом нахмурилась. Уля покосилась на серебряное веретено, на Машу, на стену, где только что в живых картинках она злобно бросала веретено в огонь, и с плачем бросилась Маше в ноги.

– Прости меня, Машенька! Уж так хотелось мне хоть чуть-чуть твоему мастерству научиться, да всё равно не вышло – видать, невезучая я.

Маша наклонилась к Уле, подняла и приобняла её. Уля, отмахиваясь, размазывала по щекам слёзы, и судорожно вздыхала.

– Ну, будет тебе убиваться, Ульяна. Сделанного не повернёшь назад.

Помедлив, Маша решительно сказала:

– Поведаю я тебе главный секрет моего серебряного веретена.

Уля тут же перестала плакать, внимательно прислушиваясь к Маше.

– Так вот. Оно может исполнить желание. Только одно –

моё или того, кому я передам веретено. – И Маша протянула Уле серебряное веретено. – Держи. Может, тебе и вправду нужнее...

Уля осторожно взяла веретено в руки. Через мгновение она уже неслась к своему дому. Там, стоя у окна и держа в руках серебряное веретено, Уля сразу приступила к загадыванию своего желания.

– Пускай я выйду замуж за Лукьяна, Машиного жениха!
Что ж это всё ей да ей!

Топнула ногой.

– Моим Лукьян пусть будет!

Помолчала и, довольная собой, добавила:

– А теперь и вернуть веретено можно.

Волшебное серебряное веретено своё дело знало, и вот уже Уля в праздничной одежде, улыбаясь, встречала сватов и Лукьяна, прошедших прямо к её крыльцу, минуя дом Маши. Стоявшие на улице Машины родители переглянулись, Аксинья, повернувшись к Макару, удивлённо развела руками, а он лишь безмолвно пожал плечами в ответ да грустно покачал головой.

Маша, запершись в своей комнате, разглядывала разложенные рушники и скатерти из своего приданого. Рядом лежало серебряное веретено, возвращённое Улей. Из угла слышалось какое-то шуршание. Повернувшись в сторону звука, Маша увидела на полу серебристую змею, а перед ней – паука. Змея, шипя, медленно вытянула голову в сторону

Маши.

– Ш-Ш-Ш-Ш, Маш-ш-ша. Отдай мне серебряное веретено, нето я проглоч-ч-чу твоего друж-ж-жка-паука.

Маша, тотчас схватила серебряное веретено с лавки, положила его рядом со змеёй и отступила назад. Серебристое свечение окутало змею и паука. Маша, испуганно отпрянув, прикрыла глаза рукой, а когда огляделась, змеи и след про-стыл. В серебристом потоке света стоял высокий, статный русоволосый юноша.

– Меня зовут Ефим, – сказал он и, приблизившись, взял Машу за руку.

– Змеиная королева заколдовала меня, превратив в паука за то, что я не стал ей служить. Спасибо, тебе Маша. Ты не раздумывая отдала за меня своё серебряное веретено. Как же теперь твоя мечта о волшебном узоре?

Маша, немного смутившись от устремлённого на неё взгляда синих глаз Ефима, тихо твечала:

– Бабушка говаривала, что придёт время – узор счастья сам явится искусной мастерице. Буду прясть и ткать, шить и вышивать – очень уж по нраву мне такая работа. Глядишь, и будет толк со временем.

Свадьбу Маши и Ефима, как тогда полагалось, весело праздновали три дня всей деревней. И такая это была красивая пара, так хорошо они смотрелись в расшитых свадебных нарядах, так подходили друг другу, так радушно принимали гостей, что люди долго ещё вспоминали это событие. Макар

и Аксинья от всей души радовались счастливой судьбе дочери, а Василька перестал дурачиться и дразнить сестру.

Жизнь шла своим чередом. Как-то раз Маша отправилась к колодцу. Вытащив полное ведро воды, на дне она увидела своё простое старое веретено. Выхватив его из ведра, забыв про всё на свете, Маша быстро зашагала к дому. Улучив момент, когда все были заняты своими делами, Маша присела на лавку у окна и начала прясть, вращая своё деревянное веретено и тихонько приговаривая:

– Ты вертись, веретено, как давно заведено,
И на север, и на юг, очерти побольше круг,
Нить судьбы моей сплети, счастье к дому приведи.
Ты крутись, веретено, чтоб соткалось полотно,
Чтобы вышивка легла, счастье к дому привела.

Маша почувствовала, будто веретено само закружилось в её руках, образуя вместе с нитью дивный светящийся вихрь, через который стал всё ярче проступать древний узор счастья.

Время пролетело незаметно, и к очередной ярмарке у Маши были готовы тканые и вышитые рушники, скатерти, одежда. Слава о мастерице и её узорах разнеслась далеко, приписывая Машиному полотну чудесные свойства: то рушник кого-то от злого глаза исцелил, то сорочка с затейли-

вым орнаментом счастливую долю принесла, то и впрямь на скатерти яства не переводились. Народ толпился у прилавка с Машиными изделиями, цокая языками да нахваливая её труд.

– Какая тонкая работа!

– Как это ей удаётся?

– А вышивка-то какая гладкая!

Ефим с гордостью поглядывал на жену.

– Бойко идёт торговля у такой искусной мастерицы! Молва покупателей приводит: давно уже люди говорят, что твой древний узор счастье приносит. И простой вроде бы, а повторить никто не может. Всё думают, что без волшебства не обошлось.

Маша хитро прищурилась и прислонилась к Ефиму.

– Уж конечно, не обошлось, Ефимушка.

И серьёзно добавила:

– Иногда мне кажется, что моё старое веретено и вправду непростую нить скручивает. А она потом сама в узоры складывается – тку ли я, вышиваю ли. И так мне нравится, ЧТО я делаю, так легко на сердце становится, когда работаю, что и не замечаю, как час за часом пролетает.

У Ульяны жизнь тоже шла своим чередом. Однажды под вечер заглянула к ней родственница, жившая неподалёку, и протянула вышитый рушник.

– Это тебе к празднику. Очень уж ладная работа! Не удер-

жалась, на ярмарке у Маши купила. В доме всегда пригодится. Ты-то так и не научилась ни прясть, ни ткать, ни вышивать.

Уля поморщилась.

– Да некогда мне.

Взяв рушник, Ульяна провела по нему рукой, разглядывая орнамент. Вдруг она подняла глаза на стену и, опешив, снова увидела себя в живых картинках, как когда-то в доме Маши.

Вот она говорит подружкам у колодца:

– Уж какая Маша-то наша мастерица, а поди ж ты, приданое наткать и не успела. Зачем хорошему парню такая хозяйка в доме?

Вот она, разозлившись, бросает расписное веретено в огонь печки.

Вот она, стоя у окна, держит в руках серебряное веретено, топает ногой и произносит:

– Моим Лукьян пусть будет!

Видение исчезло. Уля тяжело опустилась на лавку, закрыла рушником лицо и заплакала.

Прошло несколько дней. Ещё издали Уля увидела Машу, набиравшую воду в колодце. Приблизившись, спокойно и негромко сказала:

– Прости меня, Маша. За всё прости.

Маша поставила ведро на низкую скамейку и выпрямилась.

– Да простила я тебя давно уж.

Уля, глядя куда-то в сторону, проговорила:

– Уезжаем мы с Лукьяном. Пришла вот проститься.

Немного помедлив, Ульяна развернулась и двинулась по улице. Ей навстречу вышел Лукьян, которого она крепко взяла под руку, и они вдвоём пошли дальше не оборачиваясь. Маша долго смотрела вслед удаляющейся паре, потом подняла правую руку с раскрытой ладонью – то ли прощаясь, то ли благословляя. В воздухе появился, с каждой минутой проступая всё ярче, древний узор счастья – красноконтурный ромб с разветвлёнными лучами солнца.

Вот так закончилась первая история о Маше, чей рушник -единственный сохранившийся до наших дней – и сегодня оберегает мой род. Ещё не раз в наших семейных хрониках появлялись и Ульяна, и Лукьян, и много других людей, так или иначе связанных с древним узором счастья, но об этом я расскажу как-нибудь в другой раз.